

Захарова Л.Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН “БОРИСА ГОДУНОВА”

А.С.ПУШКИНА.

Язык хранит историю тысячелетних усилий человека познать и объяснить мир и себя в этом мире. Поэтому язык теснее всего связан с культурой данного народа. Проблема их взаимообусловленности актуальна для лингвистики (социолингвистики, этнолингвистики и др.), в том числе и для методики и практики преподавания русского языка как иностранного. Исследованием национально-языковых форм выражения понятий, имеющих культурную значимость, занимаются лингвострановедение и лингвокультурология. Предметом изучения последней являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное и образно-метафорическое значение в культуре. В качестве одной из целостных единиц описания в культурологии предложено понятие лингвокультурологического поля (1, с.102). Между традиционным понятием семантического поля и ЛКП прослеживается изоморфизм. Однако последнее представляет собой более сложную многомерную структуру с доминантами и периферийными явлениями, к которым можно отнести лексемы во вторичной семантической функции, то есть реализующие семантику данного поля лишь в контексте. Семантикой единиц такого поля - лингвокультурум - является единство собственно лингвистического и референтного содержания (2, с.6).

По В.В. Воробьеву, исследование единиц ЛКП проводят в трех взаимосвязанных аспектах семиотики: семантике, синтактике и прагматике (1, с.104). Семантика лингвокультурум не только отражает направленность к языку как к системе, но и дает представление о соответствующих культурных реалиях. Синтактика единиц ЛКП содержит как указания на их ценность и валентность, так и на характер их использования в практике. Прагматика лингвокультурум проявляется в стилистике, фоновых знаниях о понятии, а также в коннотации. В понимании коннотации мы следуем за точкой зрения В.Н. Телия (3, с.37). В основе культурно-коннотативных единиц ЛКП лежат образы, возникшие на базе некоей первичной ситуации наименования. Механизмы образования данных образов соответствуют понятию деятельности “духа народа”, по В. Гумбольдту. Уточняя концепцию В. Гумбольдта, Л. Вейсгербер отмечает, что постижение “духа народа” возможно через изучение образных средств (4, с.42). К последним можно отнести и компоненты коннотации: образность, эмоциональность, экспрессивность, которые наиболее ярко представлены в художественных произведениях. По справедливому замечанию В.А. Масловой, язык является лишь механизмом кодирования и трансляции культуры. Истинные ее хранители - тексты, особенно художественно-исторические. Задачей нашего исследования является экспликация национальных образно-ассоциативных коннотаций единиц лингвокультурного поля “высшая государственная власть” в драме А.С. Пушкина “Борис Годунов”, характеризующих главного героя драмы - Бориса Годунова.

В качестве доминанты исследуемого лингвокультурного поля “высшая государственная власть в России 16 – начала 17в.” мы представляем ряд лексем: *царь, государь, взойти, (на престол) принять (власть)*. Количество выделенных единиц фиксировано - 42 лексемы различных частей речи в разных синтаксических функциях. Все единицы указанного ЛКП разделены на 3 класса:

1. Наименования Бориса Годунова (в том числе и обращения).
2. Дескрипции.
3. Действия других лиц, связанные с воцарением Бориса Годунова.

Первая группа лексем “наименования Бориса Годунова как *представителя высшей государственной власти*” уже была рассмотрена нами на материале пушкинской лирики, где выражено отношение автора к именуемому лицу. В драме же номинации имеют своего автора, то есть, по мнению поэта, автор драматического произведения должен показывать “истину страстей, правдоподобие чувствований” (5, т.7, с.147) в конкретных обстоятельствах каждым героем. Собственно авторская точка зрения представлена в драме только в ремарках и названиях персонажа перед репликой. Учет позиции автора, а также зависимость номинаций от хода исторических событий будут способствовать более глубокому анализу единиц данного ЛКП. Перейдем к исследованию первой группы “номинаций Бориса Годунова”. Она представлена четырьмя единицами: *государь, правитель, владыка, царь* и определениями к ним.

Лексема *государь* для именованного Бориса встречается в тексте драмы 6 раз, 4 из них - обращения к царствующей особе. Отмеченная нами как имеющая возвышенную окраску в поэзии Пушкина благодаря сближению с лексемой *господь* (6, т.2, с.235) лингвокультурема *государь* в речи Патриарха (*великий государь*) и в затрапезной молитве “Помолимся о нашем *государе*” говорит о традиционном употреблении этой номинации в сакральных текстах и словах священнослужителей по православному обычаю. Это было заимствовано Пушкиным из житийной литературы 16 - начала 17 в. и летописей (7, с.137). Однако чаще именование *государь* встречается в обращениях к Борису Годунову (Шуйский, Басманов, Семен Годунов), что было нормой в обращении к монарху и в 19 веке. Эта сема номинации *государь* отмечена в словаре В. Даля как частотная: “всякий светский владыка, владетельная особа и учтивое обращение к такой особе” (8, т.2, с.456). Особый интерес вызывает функционирование данного наименования с определением-приложением “что тревожить *отца-государя*” (Патриарх). Коннотативный компонент указанного именованного проливает свет на особенности государственного уклада Руси 16 - начала 17 веков. В это время отмечены тенденции к усилению самодержавной власти, что было следствием слабости боярства и появ-

ления нового класса - служилого дворянства. Вся Русь мыслилась как большая семья, во главе которой был отец - царь, а все подданные были детьми. Номинация *отец-государь* имеет православные (по автору именованию) и фольклорные традиции и повторяется не единожды устами представителей народа в тяжелый момент безвластия при избрании Годунова царем: *отец наш*. История подтверждает, что Годунов действительно с отеческой заботой относился к подданным (7, с.154, 158).

Лингвокультурема *правитель* в номинации Бориса не случайно звучит перед избранием его в цари. По данным словаря В. Даля, правителем считается “правлящий, управляющий, правитель области, края” (8, т.2, с.379), то есть сема “верховный” может возникать лишь в определенном контексте. В именовании Годунова скрытым оппозиционером Воротыньским и верным слугой Годунова - Щелкановым лексема *правитель* содержит ассоциации с реальными событиями: Борис уже управлял государством вместо безвольного Федора: “Что ежели *правитель* ... державными заботами наскучил и на престол безвластный не взойдет”. Раньше Годунов был лишь управляющим, временщиком, но не полноправным главой государства.

Только один раз встречается в именовании Бориса лексема *владыка*. Автор ее - летописец Пимен. Он, как свидетель происшедших событий, судит Годунова по христианским и человеческим законам: “Прогневали мы бога, согрешили, *Владыкою* себе цареубийцу мы нарекли”. Значение лексемы *владыка* - “правитель, облеченный всей полнотой власти” (9, т.2, с.79) обогащается в указанном контексте сближением с его лексико-семантическим вариантом “архирей, титул архирея” (9, т.2, с.79). Таким образом именование с книжно-архаической окраской приобретает коннотативную сему “духовной власти” над подданными. Отсюда и грех русского народа, избравшего себе наместника Бога на земле преступника.

Самой частотной в драме является лексема *царь* (8 именовании и 1 обращении). Это объясняется выделением в ее значении страноведчески значимого компонента “титул правителя русского государства в средневековье, принятый Иваном Грозным” (6, т.4, с.437). Интересно проследить за авторскими номинациями Годунова. Если при первом его появлении в драме сразу после избрания на царство у Пушкина – это *Борис*, то в последующих сценах он именуется *царем*. Для Пушкина Борис Годунов прежде всего политик, мудрый глава государства. Однако в сцене с детьми поэт в ремарке называет его по имени. Этот факт, как и монолог царя в сцене “Царские палаты”, опровергают замечания Пушкина в письме к Вяземскому об изображении характера Годунова: “Я смотрел на него с политической точки, не замечая его поэтической стороны”(7, с122).

Мудрого политика видит в Годунове его скрытый противник Афанасий Пушкин, но предрекает его падение: “...быть грозе великой...что вряд царю Борису сдержат венец на умной голове”. Дальновидный боярин видит поражение Годунова не только из-за появления Самозванца, оно связано и с появлением крепостного права, и с конфликтом с родовитым боярством.

В именовании народом Бориса Годунова лексема *царь* является наиболее употребительной. Она не имеет никакой эмоциональной оценки, а используется в момент выборов правителя. Первые страницы драмы наполнены этими номинациями: “будь наш отец, *наш царь*”, “он *царь!* он согласился! Борис *наш царь!*”. Указанные номинации служат отсылкой к обычаю средневековых выборов правителей в России, где на площади кричали имя желаемого монарха.

Лингвокультурема *царь законный* в самоименовании Бориса является своеобразным оправданием его прав на Российский престол. Борис “назначенный и избранный всенародно”, его право царствования закреплено церковью: “увенчанный великим патриархом”. Словосочетание *царь законный* представляет собой тавтологию, обе лексемы содержат сему “на основании закона”. Данная лингвокультурема приобретает негативные коннотации узурпации власти путем устранения наследника царской крови.

Аналогично оценивается упоминание Бориса в молитве (в доме Шуйского): “Помолимся о ... благочестивом, всех христиан *царе самодержавном*”. Здесь Пушкин следует за Карамзиным: Годунов велел составить особенную затрапезную молитву, обязательную для чтения во всех домах(10, гл.2, с.103). Отсюда видно, что заказчиком молитвы был сам царь Борис. Сочетание *царь самодержавный* содержит страноведческий компонент, отмеченный М. Фасмером “самодержец - принят в качестве титула И. Грозным”(6, т.3, с.553). “Имя Иоанново ... напоминало приобретение трех царств монгольских, ... народ чтит в нем знаменитого виновника нашей государственной силы” (10, т.9, гл.7, с.294). Сравнения Бориса с Иваном Грозным в драме встречаются не единожды, и сам Годунов ссылается на Ивана 111 и его внука как на образцы властителей. Сближение образов Ивана Грозного и Бориса Годунова в драме можно объяснить лишь тем, что оба царствования происходили при жизни одного поколения. Еще жива память о жестокости Грозного, отголоски которой продолжены в современном правлении.

Обвинительные номинации в адрес Бориса *царь Ирод*, *Борис-цареубийца* (Юродивый) соотносятся с самохарактеристикой правителя “кто ни умрет, я всех убийца тайный”. Прецедентное сочетание из Нового Завета “*царь Ирод*” - правитель, повелевший истребить всех младенцев. Если сам Годунов признает себя виновным в смерти Димитрия, то остальные обвинения не оправданны. Проявления борьбы с противниками власти и политики Бориса не отягощают его совести. Убийство же ребенка выходит за рамки допустимого в общечеловеческом понимании, отсюда и аллюзии к Евангелию.

Двойственно характеризует Пушкин Годунова, используя декрипции. Их компонентный анализ помогает выделить фоновые семантические доли в лингвокультуреме “пришелец” (Воротыньский) - пришедший

откуда-то, чужак, его стремление к престолу порицается; “коварный злодей” - “тот, кто творит зло, преступник, злонамеренность которого прикрыта доброжелательством” (8, т.2, с.101). Эта же мысль звучит в номинациях Бориса Шуйским и Воротыньским “губитель”, “зять палача и сам в душе палач”, которые отсылают читателя к прецедентной ситуации. Шуйский расследовал убийство царевича Дмитрия и знал о виновности Годунова (10, т.11, с.106). Положительная оценка звучит в номинации, данной Басмановым, “высокий дух державный”. Дух в значении “ум, воля” получает дополнительную коннотацию одобрения благодаря автору высказывания. Басманов - талантливый, но не родовитый представитель зарождающегося дворянства. Он свободен от мыслей о виновности Бориса и сам может воспользоваться удобной ситуацией для захвата власти.

В группе лексем – названий действий Бориса, связанных с его восхождением на престол, можно выделить два ядерных компонента: *взойти* (на престол) и *принять* (власть). *Взойти* - “идти на высоту, подняться кверху” (8, т.1, с.252), (но не на престол) в контексте получает коннотативное приращение “стать выше других, подняться на священное место”. Лексема же *принять* содержит указания на передачу власти из “других рук”, а не самостремление к ней (“приемлю власть со страхом и смиреньем” – Годунов). Оба глагола характеризуют приход к власти Бориса (в речи самого Годунова и боярина Воротыньского). К этим лексемам примыкают и периферийные глаголы: *достичь*, *взять*, *ступить*. Глагол *достичь* имеет значение основного варианта принять и обозначает “добиться, дойти стараньем” (8, т.1, с.479). “Старания” Годунова можно наблюдать в “Истории...” Н.М. Карамзина и в пушкинском тексте (разговор Бориса с сыном “...*достиг* верховной власти...чем? Не спрашивай ... ты царствовать теперь по *праву* станешь”). Таким образом, коннотации глагола *достичь* проливают свет на незаконное правление, скорее узурпирование власти Годуновым. Та же мысль подчеркивается использованием глагола *взять* (“взять венец и бармы Мономаха”- Шуйский). Сема “присвоить себе, захватить” (8, т.1, с.196) на фоне широкого контекста приобретает прямо-таки криминальную окраску. Аналогично “кровь невинного младенца ему *ступить* мешает на престол”(Воротыньский). Однокоренные лексемы *ступить* - “шагнуть, переставить ногу с места на место”(8, т.4, с.348) и *ступени* в вышеуказанном отрывке содержат намек на историю семилетней давности - убийство царевича, где Димитрий для Годунова был своеобразной ступенью к власти.

Обращение к глубинным пластам значения слова, к его прецедентности и историко-культурным ассоциациям помогает понять авторский замысел на уровне минимальных смыслов. Тем более, что частью “поэтической работы” Пушкина был интерес к “корнесловию” (7, с.165).

Литература.

1. Воробьев В.В. К понятию поля в лингвокультурологии (общие принципы) // Рус. яз. за рубежом – 1991. – №5. – С.101-106.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции.// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып3. – Логика и лингвистика. – М.,1982. – С.5-28.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.,1986. – 141с.
4. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997. – 206с.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10т. - 2-е изд. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956-1958.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.: В 4-х т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1964-1973.
7. Пушкин А.С. Борис Годунов. / Предисл., подгот. текста, статья А.С. Фомичева. Комментарии Л.М. Лотман/ – СПб.: Академический проект, 1996 – 542 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.: В 4-х т. – М.: Рус. яз., 1989-1991.
9. Словарь современного русского литературного языка.: В 17-ти т. / Под ред. Бабкина А.М./ – М.-Л.: Наука, 1957-1965.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12-ти т. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1988-90.